

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

В. П. БУДАРАГИН

Северодвинская рукописная традиция и ее представители

(По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома)

В. И. Малышев впервые показал на материале Печорского собрания, какие богатые возможности дают территориальные собрания рукописей для воссоздания и изучения историко-культурного прошлого того или иного района. Его книга «Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.» остается уникальным образцом археографического исследования и является своего рода памятником крестьянской культуре Печорского края. Наша статья не претендует на полноту характеристик. Это всего лишь краткий обзор материалов, которыми располагает Древлехранилище Пушкинского Дома для изучения еще одного очага крестьянской культуры на русском Севере.

Рукописи с Северной Двины стали группироваться в Древлехранилище по территориальному принципу с 1957 г. Первые находки были сделаны в Красноборском районе и стали основой Красноборского территориального собрания. Сейчас это собрание насчитывает 165 рукописей XVI—XX вв. Сплошное археографическое обследование Северной Двины началось, однако, только десять лет спустя, в 1967 г., студентами филологического факультета Ленинградского университета под руководством Н. С. Демковой. Поиски рукописей велись по деревням на всем протяжении Северной Двины и поступали в Северодвинское территориальное собрание. С 1972 г. археографические экспедиции Пушкинского Дома продолжили эту работу преимущественно в Верхнетоемском и Виноградовском районах. В Северодвинском собрании хранится теперь 401 рукопись XV—XX вв. В 1971—1972 гг. в Древлехранилище из с. Борок на Северной Двине поступила библиотека В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой. В состав этой библиотеки входит 201 рукопись XV—XX вв., и большая часть их, без сомнения, является продукцией местных переписчиков. Таким образом, для изучения северодвинской рукописной традиции мы можем привлечь в настоящее время 767 рукописей XV—XX вв.,¹ не считая единичных рукописей фонда отдельных поступлений.

¹ А. М. Панченко. Отчет об археологической экспедиции в Красноборский район Архангельской области и г. Тотьму Вологодской области в 1960 г.—ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 426—431; Н. С. Демкова. Рукописи с Двины и Пинеги.—ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 330—332; см. также отчеты об экспедициях филологического факультета ЛГУ совместно с Пушкинским Домом в 1970—1974 гг. на Северную Двину в последующих (XXVI—XXXI) томах ТОДРЛ и в работах: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. М.—Л., 1965, с. 56—57; Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома.—РЛ, 1968, № 2; 1969, № 2; 1970, № 1; 1971, № 1; 1972, № 2; 1973, № 2;

Рукописи, представленные в этих собраниях, не только дают богатый материал по истории старообрядчества на Северной Двине, они интересны прежде всего как памятники местной книжной культуры, образцы мастерства северодвинских писцов, художников, переплетчиков. Есть полное основание говорить о единой северодвинской рукописной традиции для сел и деревень значительной по протяженности территории, от Красноборска до Двинского Березника, об отдельных представителях северодвинской книжности, не возводя, однако, их творчества в ранг местных школ и направлений. Рукописи XVIII—XX вв., которые найдены в этом районе и которые мы относим к местной традиции, представляли собой как бы единый читательский фонд книжников этого района. Переписанные в Пучуге или Тойме, рукописи путешествовали по деревням вверх и вниз по Двине, а потом, к примеру, попадали в библиотеку В. М. Амосова. Отсюда их выдавали читателям в ближние и дальние села, они снова были в обращении.

Переписчики и художники, как правило, знали друг друга, иногда конкурировали, иногда учились один у другого. И в их продукции неизбежно запечатлевались какие-то общие черты (характер почерка, колорит заставок и миниатюр), свойственные только северодвинским рукописям. Авторитетные книжники полемизировали в своих сочинениях по вопросам веры, но материал их полемик был преимущественно местный, не выходил за пределы указанного района.

Собирание сведений о переписчиках рукописей на местах и сопоставление их с указаниями самих рукописей позволило выявить более двух десятков имен крестьян, занимавшихся книжным ремеслом на Двине с конца XVIII в. до 20-х гг. нашего столетия. К сожалению, какие-либо биографические данные о большинстве из них отсутствуют, а воспоминания местных жителей часто бывают противоречивы. Не всегда можно с точностью указать и место их жительства. Есть иногда устные указания на переписчиков, но установить, какие рукописи принадлежат их письму, не представляется возможным. Так, известно, что П. М. Амосова (1876—1967) не только занималась росписями прялок, граблей, туесов, но и переписывала певческие рукописи. Однако указать, какие рукописи она переписывала, можно пока только предположительно.

Ниже предлагаются краткие сведения об известных нам представителях северодвинской рукописной традиции в алфавитном порядке их имен. Одни имена уже встречались в отчетах об археографических экспедициях, другие выявлены совсем недавно. Но именно эта разрозненность источников и побудила нас к тем предварительным обобщениям, которые предлагаются ниже.

Вирулин Степан. Сохранилась только одна рукопись в колл. Амосова—Богдановой (далее: Ам.—Богд.), № 112, под названием «Странническа» («проба пера» 1877 г.). Имя переписчика указано в тетради учета и выдачи книг библиотеки В. М. Амосова (Ам.—Богд., № 182, л. 120).

Вежливцев Василий Степанович. Евангелие учительное его письма в Северодвинском собрании (далее: Сев.), № 295, датировано 1879—1880 гг. Жил в с. Афанасьевское (д. Власьевская), переписывал книги, писал иконы. В Красноборском собрании (далее: Красн.) сохранилось его письмо П. Ф. Шестакову (№ 136), где он сообщает об отправке икон

1974, № 1; 1975, № 4; Л. И. С а з о н о в а. Северодвинская крестьянская библиотека.— Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975, с. 162—167; Н. Н. К у д р я в ц е в а, Е. П. С е м е н о в а. Крестьянская библиотека на Северной Двине в конце XIX—начале XX века.— В кн.: Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972, с. 26.

в Москву с В. М. Амосовым и сетует на Е. И. Меньшикова за то, что тот перехватил заказ, адресованный ему из Перми.

Колодкин Иван Филиппович. Умер в 1834 г. Автор полемиического сочинения «Утверждение пустынного жительства», писец, художник, переплетчик, иконописец. Жил в с. Пучуга. Рукописи, им переписанные (Ам.—Богд., № 41; Сев., № 250—252, 259, 362, 365), орнаментированы и украшены миниатюрами его работы. Писал полууставом и скорописью. Запись конца XIX в. о нем сохранилась на вклейке его автографа (Ам.—Богд., № 41, л. 53) и принадлежит, очевидно, какому-то выходцу из Тарноги, так как почерк этот встретился нам дважды в рукописях, привезенных из этого района (Вологодское собр., № 61, л. 98—99 и колл. Каликина, № 62).

Копылов Тимофей. «Страдание старообрядца Копылова» и повесть о Еруслане Лазаревиче переписаны им в начале XIX в. (Красн., № 4—5).

Королев Федор Андреевич. Жил в с. Нижняя Тойма (д. Наволоцкая). Лицевой сборник, им переписанный и иллюстрированный в 1910 г. (Сев., № 231), и сведения о писце поступили в собрание от нижнетоемского краеведа С. Г. Третьякова.

Кузнецов Федор Петрович. Писец и рисовальщик, жил в с. Пучуга. Один из двух сборников его письма имеет пометы типа «проба пера» с датами 1838 и 1844 гг. (Сев., № 249, 253).

Кузнецов Филипп Федорович. Сын Ф. П. Кузнецова, жил тоже в Пучуге. Переписанный им Устав о христианском житии (Сев., № 339) датирован 1873 г. Кузнецовы известны своими росписями прялок.

Меньшиков Егор Игнатьевич (1866—1930). Проживал в с. Нижняя Тойма (д. Аввакумовская). Был широко известен на Двине как мастер по росписям прялок, иконописец, писец, реставратор и переплетчик рукописей. К сожалению, с уверенностью говорить о его рукописной продукции пока рано. Мы располагаем лишь небольшим текстом, переписанным небрежным полууставом (Ам.—Богд., № 155), и образцами его скорописи (Красн., № 136). Н. В. Тарановская видела когда-то в доме у П. Ф. Амосовой певическую рукопись, украшенную Меньшиковым (один из инициалов был подписной), но в коллекции Амосова—Богдановой этой рукописи не оказалось. Меньшиков был связан с П. Ф. Шестаковым и особенно тесно с В. М. Амосовым, выполняя московские заказы. Пользовался библиотекой Амосова (Ам.—Богд., № 157, л. 105). Советы и рецепты «Егора Игнатьевича» встречаются в записных книжках В. И. Третьякова. Сохранилась фотография Меньшикова в расписанной им самим рамке (Сев., № 178).

Останин Максим Матвеевич. В рукописях упоминается как «инок Козма». Автор полемических сочинений, писец, переплетчик последней четверти XIX—начала XX в. Жил в с. Борок, бывал в Москве. Имел постоянный доступ к библиотеке В. М. Амосова, очень многие рукописи и книги содержат его пометы и комментарии. Писал изящным полууставом, реже скорописью (Ам.—Богд., № 109). Рукописная продукция его значительна (Ам.—Богд., № 107, 130, 131, 145, 148, 156; Сев., № 174, 287). По книжным вопросам общался с Е. И. Меньшиковым.

Пластинин Федор Егорович. Рукопись, содержащая Устав о христианском житии, была переписана им в 40-х гг. XIX в. Привезена из с. Борок.

Сметанин Федор Матвеевич. Переписывал преимущественно «четыре» книги, некоторые иллюстрировал рисунками пером. Жил в д. Суковская. Сейчас выявлено пять рукописей его письма, одна из которых датирована 1872 г. (Красн., № 8, 16; Ам.—Богд., № 121, 124; ОП 24, № 13). Все они написаны полууставом.

Стуков Иван. Сборник, переписанный им в 1799 г., был найден в с. Вершина. В сборнике имеется несколько рисунков, не связанных с текстом. Почерк полууставной, небрежный.

Точиллов Иван Семенович. Писец, переплетчик, художник. Жил в с. Топса. Прекрасный образец его мастерства представляют Святцы, переписанные четким полууставом, украшенные подписными заставками и переплетенные в 1879 г. (Сев., № 214). Значительно полнее (15 книг) сохранились его переплетные работы, не отличающиеся большим разнообразием рисунков тиснений, но выполненные профессионально. На форзаце одной из книг (Ам.—Богд., № 34) имеется запись о переплете 1869 г.

Третьяков Василий Иванович (1868—1930). Жил в с. Н. Тойма (д. Великий Двор). Известен своими росписями прялок. Переписывал, иллюстрировал и переплетал книги, писал иконы. Лучший пример его книжного мастерства — лицевые Страсти Христовы начала XX в. (Сев., № 353). Имел пристрастие к перу, вел дневники и записные книжки, часть которых сохранилась. В его архиве есть эскизы росписей прялок, рецепты, прориси икон, рисунки, списки духовных стихов и др. (Сев., № 222, 282, 292, 308, 309, 352, 388, 396, 397). Для тиснения рисунка на переплете иногда пользовался инструментом, изготовленным из оленьего рога (Сев., № 311). Часть прорисей и рисунков в его архиве принадлежала И. П. Бурмагину.

Третьяков Иван Никитич. Сначала жил в скитах выше по реке Н. Тойме, потом переехал в село. Родной дядя В. И. Третьякова, обучал его книжному ремеслу. Переписанный им в 70—80-х гг. XIX в. сборник (Сев., № 304) содержит, в частности, северную переработку Повести о царе Аггее и список Повести о царевне Персике.

Шарапов Степан Кузьмич. Писец и художник. Лицевые Страсти Христовы (Красн., № 51) его работы были привезены из с. Черевково, вторая рукопись сохранилась в колл. Амосова—Богдановой (№ 96) и датирована 1908 г.

Шестаков Кондратий Захарович. Известно, что родился в 1798 г., а в 1821—1825 гг. служил в Петербурге в комиссионерном батальоне. Жил в д. Изосимово Белослудского стана (теперь Красноборский р-н). Переписанные им в 1817 или 1818 г. (даты от сотворения мира и рождения Христова по сентябрьскому году не совпадают) Святцы приплетены к печатному Катехизису, купленному в Архангельске в 1817 г. Начало года по этим Святцам исчисляется с марта. Сохранились в колл. Амосова—Богдановой (№ 172).

Шестаков Николай (Стефан) Прокопьевич. Сын П. Ф. Шестакова, жил в д. Изосимово. Один из последних иконописцев и книжных умельцев на Северной Двине. Имя его известно исследователям с 1960 г. Сохранился целый ряд рукописей и рисунков пером и в красках, выполненных им в конце XIX—первой трети XX в. (Красн., № 20, 83, 84, 139). Особый интерес представляет архив Шестакова (Красн., № 136), содержащий большое количество ценнейших материалов по истории местной культуры на рубеже XIX—XX вв. Известны полууставной и скорописный его почерки. Письма его, как правило, украшены изящными буквицами. В одном из писем просит отца прислать инструменты для тиснения переплетов.

Шестаков Прокопий (Василий) Фомич. Чаще известен в источниках как «инок Варсонофий». Жил в д. Изосимово, в Москве и Кимрах. Через него осуществлялись связи большинства северодвинских мастеров с иногородними заказчиками. В архиве его сына (Красн., № 81, 136) сохранилась и часть его собственного архива. Для его переписки с сыном характерна частая смена имен. В письмах, адресованных П. Ф. Шестакову,

представлен широкий круг лиц и вопросов, волновавших старообрядцев Северной Двины на рубеже веков. Занимался ли он сам переписыванием рукописей, сказать пока трудно, но полууставной почерк встречается в его письмах.

Шестаков Феоктист Захарович. В 1827 г. переписал Житие Андрея Юродивого (Ам.—Богд., № 63). На рукописи сохранилась позднейшая карандашная запись Фомы Захаровича Шестакова о передаче книги сыну, Прокопию Фомичу. Возможно, что им был переписан сборник из Красноборского собрания (№ 7).

Как видно из приведенных выше материалов, северодвинские переписчики часто выполняли сами все виды работ, связанные с оформлением рукописей. Многие их рукописи украшены миниатюрами и орнаментом, причем очень уверенного рисунка и характерного местного колорита. Одни и те же лица могли заниматься книжным ремеслом, росписями, писать иконы. Среди представителей северодвинской рукописной традиции прослеживаются целые династии переписчиков, передававших свое мастерство из поколения в поколение. Некоторые рукописи являются автографами местных старообрядческих авторов.

Список можно будет продолжить: дальнейшие экспедиционные и архивные разыскания безусловно выявят новые имена северодвинских книжников. Однако и те сведения, которыми мы располагаем на сегодняшний день, позволяют сделать вывод о непрерывности и высоком уровне северодвинской рукописной традиции, о ее тесных связях с народным прикладным искусством. Можно предполагать, что какие-то имена, зафиксированные нами в рукописях XIX—XX вв., обнаружат себя и в более ранние исторические периоды.